

— В начале марта в двух конвертах пришло последнее (к моменту написания этих строк) письмо от о. Ианнуария от 3 марта 1981 года.

Ленинград, 3.3.81.

Дорогой Сашок!

— Вот то письмо, которое я давно начал писать тебе, но давно и бросил. Сейчас продолжил и ещё продолжу. Это вовсе не на тему, какую ты заказал. Просто - несколько мыслей в ходе моих поездок в метро от дома до работы, - единственное время, когда меня вообще посещают какие-то мысли.

— Целую, привет и поздравления к 8 марта Сашуле И.Д.

— Во всём сущем, во всём, что есть или даже только может быть, Три - основное число. Его даже нельзя назвать числом: это какой-то конструирующий принцип. Во всём отражена Троица, всё - образ Троицы.

— Физики обнаружили удивительную вещь: всякое однонаправленное статическое описание физической реальности (система!) заведомо неполноценно и не приводит к удовлетворительному знанию этой реальности. Реальность познаётся только в живом диалектическом рассмотрении с разных сторон, не с одного направления. Это так называемый закон или лучше - принцип комплементарности, то есть дополнительного описания. Но впервые такая комплементарность была дана в догмате о Троице: единая и нераздельная сущность Бога не может быть познана и описана с одной точки зрения, в одном направлении, с позиций бескомпромиссного монизма, например, как Отец: Отец не может быть бессмысленным, то есть без Сына Логоса, а также не может быть мёртвым, то есть без Духа. Равно как и Сын не мыслим без Отца и без Духа. И Дух не мыслим не принадлежащим Отцу, имеющему Логос. И всё-таки объять "одновременно" все три аспекта нам не удаётся: мы вынуждены обращать свой взгляд хотя бы по очереди на одно из трёх Лиц.

— Совершенно то же самое мы видим абсолютно во всём, имеющем бытие. Ну возьмём хотя бы само понятие "бытия", пусть - человеческого. Реальное бытие всегда описывается тремя "координатами", квазиневазисимыми друг от друга: действительностью, духом-познанием и индивидуальной самостью (личностью). В самом деле: для меня действительно только то, что познаётся мною; для меня познаваемо только то, что дано мне как действительность; и всё это познание действительности осуществляется именно мною: за пределы себя я выйти не в состоянии.

Действительность,
Бытие - Дух,
Личность.

Таково реальное бытие. Оно всегда описывается тремя компонентами. Ни одна из них не мыслима без двух других и не существует без двух других. Вместе же они дают одну сущность - бытие.

Если мы возьмём любую из этих трёх компонент-координат бытия, то она, в свою очередь, являет собой некую сущность, описываемую в трёх и только в трёх координатах. Например, - действительность. Действительность описывается массой (энергией), распределённой в пространстве и во времени. Не существует никакой массы, которая

была бы "вне" пространства и времени. Не мыслимо пространство, не заполненное движущимися в нём и во времени массами. Не мыслимо время, в котором ничего не случается, то есть в котором не событийствуют массы, находящиеся в пространстве. Всякая физическая реальность, то есть действительность, описывается тремя и только тремя компонентами этой единой и нераздельной реальности.

Масса (энергия),
Действительность - Пространство,
Время.

— Если мы возьмём любую из этих трёх координат действительности, она, в свою очередь, в реальности может быть описана тремя и только тремя характеристиками, и ни в коем случае не меньшим числом (большим - можно, но не нужно, так как вполне достаточно трёх). Все мы знаем из уроков стереометрии, аналитической или начертательной геометрии, что реальное пространство описывается тремя, например, ортогональными координатами: икс, игрек и зет. Ни одна из этих трёх координатных осей в реальности не имеет смысла без двух других и ни одна из них по существу не предпочтительна другим. Ни одной точки пространства нельзя описать двумя или одной координатой. И т.д.

Но вместе с тем вот что интересно: любую реальность мы можем рассматривать (иметь а-спект, рас-смотрение) с точки зрения предпочтения какой-то одной координатной оси. По существу она не будет предпочтительна, но мы можем её избрать как бы осью отталкивания, базой. Это ещё не беда, если мы всё-таки понимаем относительность нашего предпочтения. Хуже бывает, когда реальность гипертрофирована в одну сторону. Тогда вообще может исчезнуть картина трёхмерности. Так, если какое-нибудь пространственное существо было бы чересчур вытянуто вдоль, скажем, оси икс, то оно и всё остальное считало бы одномерным. Сбалансированную картину трёхмерного пространства ему трудно было бы представить. Или вот еще лучше с действительностью. Представим себе какую-нибудь действительность, лишённую разума, но, фантазируя, наделим её чуть-чуть сознанием. Пусть это будет водопад, падающий с горы в долину. Стремглав летит он с высоты. Если бы он имел чувство и немного сознания, то как бы ему представлялась действительность? Что в ней он нашёл бы основное? Наверное, пространство, перепад высоты. Я, - думал бы он, - наверху и вот я уже внизу. Расстояние, перепад высоты - вот основное в действительности. Время водопад не заметил бы: оно очень короткое, а свою массу понял бы как какое-то пространственное перемещение. А вот медленно течёт река. Пока какая-нибудь её капелька доберётся от истока до устья, она претерпит много приключений: зимой замёрзнет, весной оттает. Вряд ли причину этих перемен она припишет преодолеваемым ею расстояниям в пространстве. Основное для неё - долгое время её движения, порождающее и все изменения её существования. Пространство же она воспримет не иначе как перемены, вызываемые всё тем же временем. А вот - пруд или озеро. У него будет преобладать чувство собственной массивности, самодостаточности. Пространство же и время - это только вместительница его собственной массы. Может быть примеры и не из лучших, но единственное, что я ими хотел выразить, это то, что на себя трудно посмотреть со стороны, трудно дать отчёт в ограниченности и относительности своей точки зрения.

Так вот, если мы возьмём "пространство" человеческого бытия, то тут мы можем также занимать одну из возможных позиций, иметь какой-то один преимущественный а-спект, одно рас-смотрение, а следовательно, - одно миро-воз-зрение. И это не будет означать, что другие воззрения будут неверными. Все три возможных аспекта верны отчасти, так как все три относительны, дополняют друг друга.

Не даром на Земле существуют в общих чертах только три расы людей. Этим трём

расам схематически соответствуют три слова в фразе, описывающей человеческое бытие: Я познаю действительность. Для белого человека (западно-европейское бытийственное пространство) характерен взгляд на бытие с позиций действительности. Подлинной реальностью обладает только действительность, которая называется при этом по-разному: материя, объективная реальность, природа. Только действительность обладает подлинно творческим характером: всё "творит" сама природа-художница. Действительность - Абсолют. Она самодифференцируется, порождает из себя массу предметов действительности, эти предметы сталкиваются, взаимодействуют по законам, диктуемым им самой их прародительницей - Действительностью. Что же с такой точки зрения познание, дух? Не более, чем иллюзия реальности. Дух - это что-то нереальное именно потому, что не действительность. Это какое-то фу, не более. Это не сущая в себе "копия действительности". И уж, разумеется, дух не обладает творческой способностью. Задача духа, как какого-то особого порождения действительности, - обнаруживать саму действительность. Дух - самообнаружение действительности. Дух только открывает, делает открытия. Открытия чего? Да того, что уже есть в действительности. Ещё дух обретает, т.е. из-влекает и о-бретает. Что же он находит, обретает? Да то, что уже в потенции есть в действительности. Дух только указывает на эти потенции, на эти возможности самой действительности. Он являет ещё не явную действительность.

—А что такое с этой позиции личность? Но даже сам вопрос этот излишен. Ведь всё здесь как-то само собой разумеется. Вот один стол. Вот другой стол. Вот эта книга, а там другая книга. Вот моё тело, а это твоё тело. Это моя мысль, а та мысль твоя. Только и всего. Ведь действительность самодифференцирована. Она порождает множество вещей, действительных вещей. Вот продукты этой дифференциации мы и называем самостями, отдельностями. Никакой самостоятельной значимости так называемые "личности" не имеют: это всё та же действительность.

—И действительностью определяется абсолютно всё в этом бытийственном пространстве. Скажем, искусство. Грубо говоря, для европейского человека искусство - это копия. Копия действительности в действительности. Пейзаж, портрет тем лучше, чем больше он "похож" на действительный пейзаж или лицо.

—Мистика - по определению - попытка вырваться из ограниченности своего бытийственного пространства, стремление восполнить недостающее в чувстве бытия, в его осознании, т.е. стремление расширить мировоззрение за счёт освоения иных бытийственных координат. Согласно этому, европейский, слишком погрязший в действительности и материальности человек, "плотской" человек, стремится за счёт принижения и умерщвления плоти, за счёт пренебрежения к действительному миру вырваться в сферу "чистой" духовности. Акт мистического экстаза, характерный для европейца (да и для семита), есть именно эк-стаз, т.е. ис-ступление, ис-ход, вы-ход в собственном смысле слова. Человек экстазирует, вы-ходит из своего действительного тела, погружаясь в дух. Вспомним какие-нибудь классические примеры, особенно у католиков, но и у дервишей-мусульман. Скажем, св. Тереза. Вот её бездыханное тело лежит в углу её кельи, сама же она витает три дня в небесах, вернувшись откуда, она с великим трудом пересказывает "непостижимые" и "неизречённые" свои впечатления. Во всём этом обращает на себя внимание следующее: от действительности даже в духовной сфере белому мистику никуда не деться. Поневоле духовные "небеса" приобретают космоморфный характер, духи же, души и ангельские умные воинства хочешь - не хочешь, с одной стороны, всё-таки именно бесплотные существа, а с другой стороны, довольно искусно владеют крыльями, растущими из, разумеется, эфирно-тонкого, но всё же материнного тела. Прекрасный образец такого "оплотнения" духа - картины, изображённые Данте, а также вся послеренессансная религиозная живопись.

—Описанное бытийственное пространство обнаруживает замечательные стороны: активность, практицизм, упорную экспансию. Здесь процветают науки, технические искусства, производство, грубая, но эффективная медицина, энергичное освоение

действительного мира и т.д. Отрицательные черты этой культуры тоже очевидны: бездуховность и обезличенность. Последняя вполне понятна там, где личность - всего лишь фактор массы, отрывок действительности.

— Полная противоположность всему этому, как бы зеркальное отражение - бытийственное пространство темнокожего человека, получившее высшее духовное определение в Индии. Для индийца характерен взгляд на бытие с позиций духа. Подлинной реальностью обладает только дух - истинная материя, природа всего существующего. Только дух обладает творческим характером: всё "творит" Всеединый Дух. Дух - это Абсолют. Он самодифференцируется, порождает из себя, как бы эмануирует массу духовных предметов: богов, демонов, людей, зверей. Эти духи взаимодействуют по законам, восходящим к их прародителю, Абсолютному Духу. Что же с такой точки зрения действительность? Не более чем иллюзия реальности, фантом. Это сон, мечтание, грёза, гипноз, внушение высших духов более слабым низшим духам. Как если бы я внушил мужчине, что он - женщина. Он стал бы прихорашиваться, кокетничать, одним словом, жить в своём маленьком женском мире, не сомневаясь, что этот мирок - сушая реальность. Так и все мы. Всё, что нам видится действительностью, всё, что мы называем законами природы - всё это кажимость, внушение вышестоящего духа или духов. А их собственная "действительность" - внушение ещё более сильных духов и т.д., до великого сна самого Атмана. Действительность - это не сушая в себе "копия духа". Она не обладает творческой способностью, ибо она - мираж. Задача действительности, как порождения духа, - обнаруживать дух. Действительность - самообнаружение духа. Действительность только открывает, являет духовное. Действительность - явление, феномен духа, не более.

— Что такое с этой позиции личность? Этот вопрос для индийского (как и для европейского) мировоззрения не стоит на повестке дня. В духовном пространстве взаимодействуют разные духовные сущности. Вот - один дух, вот - другой дух. Ведь Дух самодифференцирован. Он порождает массу духовных предметов. Продукты этой дифференциации мы называем личностями, которые никакой самостоятельной значимости не имеют, ибо все они - дух.

— Всё определяется духом в этом бытийственном пространстве. Индия, например, не знает эстетики в европейском смысле. Искусство, мастерство для индуса инвертировано в дух. Это - копия духа в духе, сила сосредоточенного созерцания и специфической фантазии. Действительно силовой технике европейца здесь противопоставлена развитая техника применения духовной силы, т.е. магия. Колдовство, целительство, заклятие, всё, что так настораживало европейца, казалось ему таинственным, так что он колдунов сжигал на кострах, - всё это для индуса - заурядные занятия. И не мыслимо, чтобы в Индии казнили магов только за то, что они маги. Напротив, европейская техника всегда заставляла индусов относиться к ней с опасливой настороженностью, как к чему-то таинственному, чуждому и необъяснимому.

— Мистика здесь - тоже полная противоположность европейской. Аскетическая техника устремлена здесь не на "умервщение" тела, а на обуздание духа, на его послушливое сосредоточение. Человек в мистическом экстазе стремится вырваться из плена духовной тюрьмы, в которой его держат высшие духовные, чаще злобные силы. Мистик стремится скинуть с себя иллюзорное "покрывало Майи". Он наделяет творческой силой действительность, тело, которое, вырвавшись из духовного плена, пребывает в свободе, неподвластном посягательствам гипнотической агрессии. Этот экстаз - йога. Но освобождение действительного тела из-под власти духовного насилия, этот своеобразный экстаз, выход их духа в действительное тело никогда не бывает полным. Тело отнюдь не приобретает в совершенстве свойств независимой от духа действительности. Напротив, оно приобретает подчёркнутый, несвойственный действительности духовный характер. В действительность человек переносит свои духовные умения и внушения. Тело как бы "одухотворяется". Как европейца в небесах не оставляет самопротиворечивая "активная

бестелесность", так же и в йогических экстазах - самое характерное - "спиритуальная бездуховность". Всё, всё здесь вывернуто наизнанку по сравнению с европейской культурой.

— Индийское бытийственное пространство обнаруживает замечательные свойства: духовность, непостижимое для нас умение сосредоточенно медитировать, развитую технику столь таинственного для нас "чудотворения", особенную медицину, построенную на методах внушения. Отрицательные черты этой культуры - пассивность в отношении к действительности и полное пренебрежение к личности. Что касается первого, то это видно по тому, какую судьбу претерпевают в странах этой культуры хотя бы какие-нибудь сталелитейные заводы, которые без регулярного обслуживания европейцами проржавеют не позднее чем через пару недель. Что касается личности, то ведь личное бытие есть всего лишь фактор дифференцированной духовности, обрывок духа. А действительная жизнь личности - не менее иллюзорна, чем всё остальное. Когда на улицах Калькутты рядами лежали умирающие люди, индусы проявляли по этому поводу куда меньше беспокойства, чем западные миссионеры. Да и сами умирающие выражали довольно слабое желание продлевать свою иллюзорную жизнь, а то и оказывали активное сопротивление "спасителям".

— Внизу - бездна моря - действительность. Вверху - бездна неба - дух. А между этими безднами - неуловимо тонкая граница - поверхность моря, или, что то же, - поверхность неба. На этой границе, как в зеркале, отражают себя море в небе и небо в море. Эта граница есть неуловимая для этих бытийственных пространств Личность - третья необходимая координата бытия.

— Кстати, рассматривая мистику белых и индийцев, можно сделать вывод о том, каким заблуждением было бы механически перенимать мистическую технику чужого бытийственного пространства. Европейская мистика для Индии - именно не мистика, а усугубление отрицательной гипертрофии духовности, присущей самой Индии. Для европейца йога - именно не мистика, а усугубление той бездуховности, которая и без того угрожает европейской цивилизации.

— Качественно глубоко отличен от европейского и от индийского мира мир Восточной Азии, мир жёлтых людей, здесь люди смотрят на бытие с позиций самости, личности. Подлинно реально только личное бытие, называемое здесь Дао или Оно. Эта великая, неопишуемая, неосязаемая и непостижимая стихия свободной спонтанности. Но она, будучи неосязаемой, осязается абсолютно во всём. Будучи непостижимой, постигается во всём. Ибо она есть всё. Она, эта Личность - подлинный творец всего. Личность - Абсолют. Она самодифференцируется, порождая из себя массу самостей, личностей. Эти индивидуальные существования взаимодействуют по законам, предписываемым им их пра-пра-пра-родителем Дао. Все действуют по пути Дао. Дао - это путь бытия. Как для европейца - неизменны законы действительности (природы), как для индуса неизменны и независимы от него законы духа, так же и здесь, для китайца неизменны законы, управляющие личными отношениями, что и выражает конфуцианство - самое показательное учение Дальнего Востока. Что же с такой точки зрения действительность и духовность? Это просто порождения, проявления Оно. Это образы, модусы выявления личного начала. Как, например, в физике можно сказать, что всякая масса обнаруживается в пространстве и во времени, являет себя как пространственная форма и поток причинных сцеплений во времени, так и всякая личность являет себя в действительно-духовном образе. Ни действительности, ни духу творчество, активность не принадлежат. Творит лишь личность в действительности и в духе, которые суть явления самости.

Личным определяется вся культура восточно-азиатского региона. Где основная реальность - Я, порождённое другими Я, которые порождены другими Я и т.д. до всеобщего прародителя Оно, - там на первый план выступают именно личные отношения,

определяемые вечными и неизменными конфуцианскими законами. Где Я, там и Ты. Никакие другие страны не знали столь развитого культа родителей, старших братьев, наставников, начальников, императоров и их родителей, общих родителей, предков, рода, прародителей Инь и Янь, прапрародителя Дао, как в Китае и Японии. Нет таких жертв, на какие не пошли бы жёлтые люди ради демонстрации своей преданности, скажем, императору или государству. Это - конфуцианство, религия почитания иерархической личностной структуры, религия, которая нам кажется совершенно безрелигиозной. И правильно кажется, ибо это не религия, не мистика, а сама жизнь китайца или японца. Харакири - это не нелепость. Это показатель высшей и бесстрашной самоотверженности, на которую только может быть способна личность. Точнее говоря, для этого бытийственного пространства религия, мистика совпадают, собственно, с жизнью, с культурой. Здесь нет различия между религиозным и обыденным. Здесь даосизм, конфуцианство, шаманство, дзен-буддизм и синкретизированный католицизм с лёгкостью сосуществуют, не вступая в антагонизм. Это понятно из рассмотрения сущности мистики и экстаза. В экстазе я, отталкиваясь от действительности, вхожу в дух (Европа), либо я, отталкиваясь от духа, вхожу в действительность (Индия). Но для меня, не считающего ни действительность, ни дух самостоятельными сферами бытия, выходить просто неоткуда и некуда. Поэтому ни у японцев, ни у китайцев нет отдельно светской и отдельно религиозной культуры, а есть лишь одна Культура=Религия, основанная на динамике личного. Составить букетик цветов и правильно подать чай, - столь же художественно-бытовое, сколь и высоко-религиозное действие.

— Взять, к примеру, их искусства, живопись. Это, разумеется, не копия действительности и не духовно-созерцательное сосредоточение. То и другое присутствуют, но не как самоцель, а как подсобные средства, неизбежная среда личного самовыражения. Несколько произвольных мазков тушью - и шедевр готов. Но это должно быть именно произвольно. Это - импрессия от личной встречи со столь же личным объектом изображения, будь то пейзаж, ветка, птичка, сверчок, цветок или человек.

— Взаимодействуют личности. Здесь и своеобразный экстаз, но только не в собственном смысле. Это не выход личности из какой-то сферы бытия, а динамическое движение всё в той же личной сфере, переход из личности в личность, самопроникновение в другую самость, отказ от непроницаемости Я, чтобы дать в себе место другому Я и проникнуть в другое Я, овладев им, слившись с ним.

— Перед вами цветок, - пишет последователь дзен, - прекрасный цветок. Но до тех пор, пока вы не перестанете ощущать цветок, вы не узнаете, что такое цветок. До тех пор, пока вы не перестанете думать о цветке, вы не узнаете, что такое цветок. Вот когда вы перестанете видеть цветок и перестанете думать о цветке, тогда вы станете этим цветком и узнаете, что такое цветок. Видеть не видя; думать не думая.

— Часто по недоразумению путают индийскую мистику с дзеном. Их даже называют одним и тем же словом: медитация, созерцание, сосредоточение (просто за неимением адекватного термина). Это глубокая ошибка. От йоги дзен отличается столь же радикально, как и от европейской мистики. В дзене именно не сосредоточение, а рассредоточение. Примеров этому в любой книге о дзене тьма.

— Отношения ученика и учителя религиозны. Это беспрекословное послушание прежде всего. Чему же учит учитель? Действительному ремеслу? Да. Но не это главное. Духовным упражнениям? Да. Но это не главное. Главное же - личным контактам, умению жертвовать Я, чтобы войти в Дао, а через него - в любое Я. Это уроки того, как делать "сердце сокрушённым и смиренным". - Подмети дорожки в саду, - говорит учитель ученику. - Но они уже выметены, - отвечает ученик. И этот ответ - признак невежества, т.к. возражать учителю нельзя. - Подмети дорожки в саду. - Ученик подметает и докладывает учителю, что всё исполнено. Учитель смотрит на дорожки сада и говорит: - Я

же тебе велел подмести дорожки, привести их в порядок, а ты этого не сделал. Ученик подметает снова, собирает всякую соринку и докладывает учителю о проделанной работе. Учитель снова недоволен, бедный ученик садится на крыльцо, грустно смотрит в сад, и вдруг, - сказываются долгие упражнения, - на него находит "просветление", он постигает Дао. И уже не он идёт в сад, а Оно, Оно подходит к дереву. Оно стряхивает на дорожку несколько увядших листьев... Учитель глядит на дорожку сада, на которой в естественном беспорядке (а это и есть истинный порядок, закон Дао) разбросаны листья, и остаётся доволен работой ученика.

— А физические упражнения? Как удивительна стрельба из лука! Если ты имеешь волю к победе, - тебе нечего делать на соревнованиях. Если ты целишься и обращаешь внимание на цель, да ещё, чего доброго, думаешь о ней, - лучше уходи. Направь стрелу в небо, дыши ровно, ни о чём не думай, ничего не наблюдай, стань одно с Дао. Оно опустит лук, Оно полетит со стрелой и Оно найдёт цель, ибо цель - для стрелы и стрела - для цели, таков путь Дао.

— А борьба? каратэ? дзю до? То, что вытворяют наши борцы, используя внешние приёмы этих видов борьбы, не имеет к ней никакого отношения. Главное, - на что и уходят годы тренировок, - это постичь Дао, войти с Ним в Ты партнёра так, чтобы уже всякое агрессивное действие его против тебя было агрессией его против себя. Для нас это почти непостижимо.

— Примеры можно умножать до бесконечности. Скажем, их столь непрактичная, сколь и неформальная письменность! Это не набор достаточно произвольных условных значков, как у нас или индийцев, где одни и те же буквы в разных сочетаниях символизируют разные понятия. Пожалуй, наш или индийский алфавит - именно не символичен. Там же всякое содержание означает себя как оно, само оно и ничто иное. Личное и здесь на первом плане.

— Возможно, это самая гармоничная и утончённая из всех земных культур. Но гипертрофия одного за счёт другого отрицательно сказывается и здесь. Слишком мало внимания уделялось действительности и духовности. С другой стороны, там, где личному придаётся абсолютное значение, где главное - устойчивость личных отношений в патриархальном строе общественной жизни, там появляется абсолютная нетерпимость к иным видам бытия. Как европейцы, так и индусы всегда были, есть и будут презренными варварами в глазах китайца. Там появляется большая опасность от столкновения с иным способом личного существования, прежде всего опасность от столкновения с чуждым, ненавистным, грубым, непонятым, но столь активным европейским миром. Не даром именно чувство обречённости от этой встречи заставляло правителей Китая и Японии веками закрывать свои страны для иностранцев. Китайская стена - символ обречённости и незащитности жёлтой культуры. Лишь вторжение объединённых европейских сил и сожжение Пекина открыло Китай сто лет назад. Лишь военная угроза и навязанная революция открыли тогда же Японию. В обе страны хлынул западный хлам. В Китай - социальный, обезличивающий, а в Японию - промышленный, столь же соблазнительный.

— Самые огромные народы земли лишились своего бытийственного фундамента. Точнее говоря, они его не лишились, но потеряли соответствующую этому фундаменту ориентацию. Мощные бытийственные энергии, лишившись упорядоченной ориентации, грозят вырваться в неосвоенное ими пространство действительности и духа. Перспектива - для других народов земли не сладкая.

— Ленинград, 3 марта 1981 г.

Дорогой Сашок!

— Всё это схематическое описание сферы человеческого бытия по формуле: "Я познаю мир", - отражает свет троичности. Всё: быт, культура, искусство, социальные устремления, заблуждения, естественно-религиозные искания, - всё - образ Троицы. Даже сверхъестественное Откровение в виде христианства, углубляясь в естественную среду человеческого бытия, принимает тройкий облик в соответствии с той же тройственной формулой: Я познаю действительность.

— Но об этом - следующий раз.

— Целую, Дима.

— Всё это очень интересно, но уже не то, здесь уже отход от главного, принципиального, слишком много деталей и слов (самих по себе интересных) для пояснения одной, в общем-то и так ясной мысли о неполноценности одностороннего восприятия мира.

— Кстати, я забыл написать о том, что, когда мы с Сашулей были в Ленинграде, я сводил её в Духовную Академию. В тот день вечером как раз должно было состояться публичное пострижение в монахи, а в церемонии этой должен был участвовать отец Ианнуарий. Мы с Сашулей встретили его на улице, в скверике около Академии, в которую он бежал к себе на службу, отнюдь не похожий в своём гражданском платье на попа или монаха.

— Ну, конечно, объятия, поцелуи. Как когда-то меня, отец Ианнуарий провёл Сашулю по Академии, немного рассказал о ней, но времени у него в этот раз было мало. Собирался народ на службу. Наташа Чичерина появилась, попросила его благословить и поцеловала ему руку.

— Сашуля нашла Диму очень привлекательным в клобуке и сутане, которая развевалась от его стремительной и лёгкой походки, - как ангел с чёрными крыльями. Димуля похудел, он болел недавно, не совсем ещё, видать, оправился, но был бодр и энергичен. Сашуля на службу не осталась, так как мы не предупредили Митю и Бургвицев, что задержимся. Я пробыл почти до самого конца, но стоял далеко и в церемонии пострижения ничего не понял, плохо слышно было, да и комментарии, конечно, требовались. С Димой мы потом вместе прошлись до метро и разъехались в разные стороны, поговорив лишь о чём-то незначительном.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)